

Дым заполнил воздух. Пламя окружало его. Вокруг него был белый город, справедливый и прекрасный, камень был искусно высечен и мастерски обработан. Он огляделся среди обломков и разрушений и увидел солдат в сверкающих серебряных доспехах, с копьями и сверкающими мечами. Но если некоторые из них все еще стояли на ногах, направив копья на то, что, должно быть, было противостоящей силой, то большинство бежали, их оружие грохотало по земле. За ними гнались отвратительные, мерзкие существа в изуродованных доспехах и с жестоким оружием, издававшие крики, которые казались звериными и дикими. В это время с неба сыпались камни, разрушая здания и обрушивая на них каскады камней, словно водопады смерти. Один солдат повторил попытку повернуться и сразиться, высоко подняв меч для удара, но гоблины набросились на него, используя не только оружие, но и клыки и когти. По улице пронесся огромный гигант, держащий в руках дубину размером с крупного человека. Подобно многим гигантам, с которыми Перси сражался на родине, это существо представляло собой стену из пульсирующих мышц и ненависти. Все, что попадалось на его пути, было раздавлено и растоптано. Через обломки массивных ворот внутрь хлынули еще бесчисленные гоблины и похожие на троллей существа. Они продолжали наступать, как колония муравьев, копошащихся в крошках пирога, их количество не прекращалось, а коллективная ярость и жажда крови наполняли сам воздух, которым он дышал. Перси видел, что победа для солдат безнадежна - их скоро перебьют. Внезапно, словно на невидимых нитях, Перси подняли в воздух и подбросили на огромную высоту, где он смог увидеть раскинувшуюся перед ним землю. Белый город лежал на вершине горы, а в нескольких милях от него на берегу реки лежал другой Белый город. Оба города горели и лежали в руинах. Затем его с невообразимой скоростью потянуло к черным горам вдалеке. Он достиг их в одно мгновение и был втянут в пепелище за ними. Под ним находилась огромная армия, насчитывающая сотни тысяч человек. Они стояли в несколько упорядоченных рядах, многие из них были троллями. Его потянуло дальше в пепел, к возвышающейся башне, которая стояла перед извергающимся вулканом. Наконец, его полет внезапно остановился у основания сооружения, и он увидел, что оно сделано из черного камня, а из каждого его выступа торчат жестокие, витые шипы. Его снова потянуло вверх. Воздух был дурным, гораздо более дурным, чем в горящем белом городе, и пепел щипал его горло и глаза. Он поднимался все выше и выше, но здание, казалось, никогда не закончится. Наконец, он добрался до вершины и увидел, что смотрит в огромный огненный глаз, наполненный злобой и тьмой. При виде этого глаза инстинктивный ужас пробрался в его кости, и он повторил попытку собрать все силы, чтобы отвернуться, но обнаружил, что не может пошевелить ни одной костью в своем теле. Глаз заглянул в его душу и впился когтями в его разум, пытаясь взять его под контроль и расшифровать его мысли. Затем он повернулся, чтобы снова посмотреть на армию. Она покрывала всю каменистую равнину перед башней. Армия была бесконечной. В одно мгновение он увидел все поселения на этой земле. Все они были охвачены огнем, поскольку злобные существа грабили, мародерствовали и убивали жителей. Никого не осталось в живых. Средиземья больше не существовало - все были мертвы и находились под властью Одноглазого, который контролировал его. Но так же быстро, как это было принято, видение закончилось, и он снова оказался перед злым глазом. Темный голос смеялся в его сознании. "Значит, это тебя Валар привели, чтобы я сокрушил их. Я чувствовал последствия их вмешательства, но мое зрение было затуманено их деяниями. Как предусмотрительно с Вашей стороны открыться мне". Голос казался пропитанным ядом, как будто единственными эмоциями, которые испытывал этот человек, были ненависть, гнев, обида, горечь и жадность. В каждом смехе слышалась насмешливая злоба, а каждое слово было наполнено превосходством человека, считающего, что все остальные ничтожны, как муравей. Он был похож на некоторых монстров и бессмертных, с которыми ему приходилось сталкиваться на протяжении многих лет, но мало кто мог говорить с такой силой, как этот. Не нужно было быть гением, чтобы понять, что этот таинственный голос, скорее всего, был Сауроном, Темным Властелином, о котором ему рассказали и которого послали остановить, и Перси снова проклял тенденцию своих снов

посылать его сознание в сторону злых и недоброжелательных фигур. Хотя в данном случае, как и в случае с Кроносом и другими могущественными бессмертными, Саурон почувствовал его и, похоже, намеревался оказать на него какое-то влияние. Его тело все еще было приковано, поэтому он уставился в пылающий глаз. Он открыл рот, чтобы ответить, но обнаружил, что из него не выходит ни звука, когда он повторил попытку заговорить. Темный смех раздался снова. "Борись, маленький герой, борись. В конце концов, это не будет иметь значения". Затем Перси был брошен прямо в горящий глаз. Перси проснулся с небольшим криком. Инстинктивно он потянулся к Риптайду и попытался встать, но его грудь затрепетала в агонии, когда он повторил попытку встать, и он был вынужден сесть обратно. Тяжело дыша, он огляделся по сторонам и увидел вокруг себя те же руины Уэзертопа, едва различимые в лунном свете. При виде обвалившейся каменной кладки вокруг него к нему вернулись воспоминания о борись за Черных Всадников, и он снова стал искать хоббитов и Арагорна, но их не было видно. Беспокойство принялось сжимать его горло, так как он не обнаружил никаких следов хоббитов, и он боялся, что Черные Всадники каким-то образом вернулись после того, как он потерял сознание и нашел их. К счастью, именно тогда до его ушей донесся звук приглушенных голосов, и вскоре он смог разобрать голос Сэма совсем недалеко от него, хотя несколько отчаянный тон в тихом голосе уменьшил облегчение, которое он почувствовал. Он повторил попытку принять сидячее положение, чтобы в конце концов встать и узнать, где находятся хоббиты, но на этот раз его остановило острое жжение камней в спине. Отбросив раздражение от того, что его оставили на камнях, он нехотя поднялся на ноги и размял уставшие конечности, стараясь не двигать туловищем так, чтобы вновь воспалилась его раненая грудь. Он скорчил гримасу и закатил глаза, услышав треск, исходящий от его суставов. Могучий воин, прихрамывая, вступил в бой. С моим мечом в качестве посоха я вселю страх в сердца моих врагов. Но мысль о вчерашней битве...Нет, это не могло произойти прошлой ночью, понял он, как только эта мысль пришла ему в голову. Луна почти не двигалась в небе с тех пор, как он видел ее в последний раз. Не то чтобы он мог хорошо разглядеть ее из-за облаков и всего прочего, но все же. Это осознание несколько ободрило его, поскольку означало, что хоббиты не могут быть далеко. Однако эта небольшая победа почти была сведена на нет, когда в его сознании снова всплыло воспоминание о битве — воспоминание о ране, которую он получил. Перси вздрогнул при этой мысли; он почувствовал, как ледяное лезвие разрывает его грудь, и услышал оглушительные крики призраков, которые, казалось, прокладывали путь в его душу, вцепляясь в нее холодными когтями. Он задрожал. Пытаясь отогнать эти воспоминания, он снова сделал шаг по неровной поверхности Уэзертопа. Он чувствовал себя немного уязвимым и скованным, поэтому не удивился, когда споткнулся о невидимый камень. Когда он протянул руки, чтобы остановить падение, его грудь снова пронзила боль, и ему пришлось присесть, вспотев и ощущая общее раздражение. Он поднял рубашку, и там, под свежей повязкой, почти по всей поверхности его груди, оказался кровавый шрам — еще не совсем затянувшийся, но уже не кровоточащий. — Ну, папа, — взмолился он, не зная, слышит ли его Посейдон, — я здесь уже неделю и уже почти покончил с собой. Да, это настоящая материальная основа для спасения мира. Может быть, вы поместите меня на доску объявлений: «Новичок века».